

Введение

В «легкой поэзии» («*poesies légères*») эпиграмма занимает совершенно особое место. Нет, кажется, другого жанра, произведения которого в таком изобилии переводились бы с языка на язык. Смысл и эстетическая ценность эпиграммы обычно не слишком чувствительны к деталям словесной формы, легко допускающей варьирование и деформацию (даже в пуанте), и потому достоинства эпиграмматических произведений не слишком страдают от вольностей перевода. Порой эпиграмма бытует в нескольких вариантах не только на языке перевода, но также на языке оригинала, причем случается, что разные версии принадлежат одному поэту. Это роднит их с фольклорными текстами (см. Мануйлов 1958, 7): они тоже способны оставаться «самими собой» при разнообразных мутациях внешнего облика. Благодаря такой способности, эпиграммы, хотя бы они и были написаны «на случай», зачастую оказываются долговечнее «высокой» лирической поэзии, с ее необоснованной претензией на бессмертие. Классицистические оды имели, как правило, не слишком долгую жизнь — правда, она удлинялась для сочинений, становившихся предметом школьного изучения¹. В целом творческая рецепция оды (включая имитации и переводы) не идет ни в какое сравнение со средней «продолжительностью жизни» рядовых эпиграмматических пьес. Бывало так, что на протяжении веков одно и то же (?) произведение переписывалось десятки раз, и можно наблюдать, как античный эпиграмматический сюжет по-разному воплощался в каждую новую литературную эпоху от Возрождения до романтизма². Иными словами, если педагогиче-

1 Что касается античной оды, то в Новое время продолжали служить примером для подражания очень немногие произведения, в основном оды Горация. Их узнаваемость, тесная связь с именем классика, богатое содержание, освоенное культурой, не позволяли им иметь столь же свободное хождение и почти универсальную применимость, как у «летучей» и нередко анонимной эпиграммы. Каждый мог переписать от своего лица пьесу из Антологии или эпиграмму Марциала, но «присваивая себе» Горациев «Памятник» (Сартр. 3.30), автор рисковал заслужить упрек в непомерных поэтических амбициях.

2 Примером может служить эпиграмма из Греческой антологии *Ant.Pal.* 6.1. Хаттон насчитывает около 30 только французских ее переводов, сделанных до 1800 г. (Hutton 1946, 618—619). Е. В. Свиясов (1998, 154) указывает четыре русских

ская традиция обеспечивала оде в лучшем случае пассивное бытование в течение ста — ста пятидесяти лет, то литературная жизнь эпиграммы не только была длинней (иногда на порядок), но и активной влияла на поэзию разных стран и периодов³.

Вряд ли стоит объяснять долговечность эпиграммы тем, что бичевание пороков (к тому же в остроумной комической форме) всегда вызывает больший интерес, нежели одическое воспевание добродетелей. Такое предположение легко отвести, сославшись на многочисленные эпиграммы гномического и нравоучительного характера, а равно на пьесы, написанные в маротическом (лишенном едкости) стиле. Более правдоподобным кажется объяснение, основанное на логическом законе обратного отношения между содержанием и объемом понятия: чем больше объем, тем беднее содержание, и наоборот (эта идея принадлежит М. И. Шапиру). Похвальная ода содержательно намного богаче эпиграммы, и это делает ее теснее связанной с историческим и культурным контекстом: не отдельные мотивы и формулы, а все стихотворение целиком перенести на чужую почву и применить в иных исторических условиях практически невозможно. Эпиграмма же строится так, что ее потенциальная применимость оказывается чрезвычайно широкой: даже будучи исходно привязанной к определенному лицу и событию, она легко отрывается от породившей ситуации и начинает мигрировать во времени и пространстве.

В эпиграмме логическая структура оказывается важнее ее словесного заполнения. Для подтверждения сошлемся хотя бы на пример пушкинской эпиграммы «Глухой глухого звал к суду судьи глухого...» (1830). В конечном счете она восходит, как известно, к стихотворению Никарха из Греческой антологии (*Ant. Pal.* 11.251). Непосредственным источником считалось до сих пор восьмистишие Поля Пелиссона, ниже приводятся аргументы в пользу того, что переводом-

перевода, относящихся к началу XIX в.; из них наиболее известно пушкинское переложение (1814), скорее всего основанное на версии Вольтера, — «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» (ср. Заборов 1978, 176—177).

3 В этом смысле характерна судьба поэзии Жана-Батиста Руссо. Хотя именно его оды широко изучались вплоть до начала XIX века, куда более сильное влияние на русскую литературу оказали его опыты в легком жанре. Это хорошо выразил Пушкин, писавший П. А. Вяземскому 25 января 1825 г.: «Руссо в нем <в роде эпиграмматической сказки> образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов» (Пушкин 1949, XIII: 135).

посредником была немецкая версия Фридриха фон Гагедорна (пункт III.25.10). Во всех многочисленных переложениях древнегреческого стихотворения, в том числе и у Пушкина, логическая структура полностью сохранялась, хотя содержание судебной тяжбы кардинально менялось от одной версии к другой⁴; этой структурной устойчивости достаточно, чтобы идентифицировать приведенные тексты как варианты «той же самой» эпитагмы.

Универсальность эпитагмы имеет не только логические, но и жанрово-тематические корни. Неопределенность и подвижность подавляющего большинства параметров жанра способствуют его повышенной приспособляемости: «Точному определению эпитагма, как жанр, не поддается, так как в разные эпохи она имела свои характерные жанровые признаки» (Томашевская 1926, 93). То, что эпитагма не укладывается в классическую рубрикацию жанров, отмечалось уже первыми теоретиками.

4 Симптоматично, что пушкинское шестистишие не упомянуто в библиографии Е. В. Свиясова (1998).